

УДК 114+130.3(470.1/.2)

DOI: 10.37482/2687-1505-V228

*УСОВ Алексей Александрович, младший научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музейных практик Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук (г. Архангельск)
Автор 13 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0466-0124>

ТРИАДА «ПРИРОДА – ЧЕЛОВЕК – КУЛЬТУРА» В КОНСТРУИРОВАНИИ ГЕОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РУССКОГО СЕВЕРА¹

В статье представлены результаты многолетних исследований геокультурного пространства Русского Севера, его образно-символического каркаса. Рассмотрены концептуально-методологические основания изучения принципов конструирования геокультурного пространства, а также отечественные и зарубежные теории культурного ландшафта. Предложена авторская теоретическая модель «природа – человек – культура», раскрывающая проблему преодоления диалектического противоречия в постижении севернорусского пространства в аспекте адаптации и духовного Преображения. Раскрываются этнокультурные смыслы пространства (ландшафта) Русского Севера в контексте триады «природа – человек – культура». Формирование символического пространства происходит в процессе освоения северных территорий и их «присвоения», выраженного в актах осмысления (как самого северного мира, так и места человека в нем) и продвижения. Автор приходит к выводу о том, что освоение пространства Севера – это критически напряженный процесс, где оба полюса человеческого бытия, духовный и физический, максимально проявлены. Исходя из двойственной природы человека, освоение пространства Севера реализуется на двух уровнях: материальном (физическом) и духовном. Результатом подобного освоения становится культурный ландшафт – элемент геокультурного пространства, в котором человек выступает одновременно субъектом и мерой его потенциального развития. Практическая значимость работы заключается в решении проблемы актуализации культурных севернорусских ландшафтов как базисной составляющей региональной и русской национальной культуры; формировании социокультурных констант, определяющих пространствен-

*Адрес: 163069, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23; e-mail: usov@fciarctic.ru

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20502, <https://rscf.ru/project/22-28-20502/>

Для цитирования: Усов А.А. Триада «природа – человек – культура» в конструировании геокультурного пространства Русского Севера // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 6. С. 109–118. DOI: 10.37482/2687-1505-V228

ные координаты социально-экономического развития Севера. Научная значимость и актуальность работы обусловлены необходимостью реконструкции геокультурных и геоисторических образов Русского Севера и Русской Арктики как символического ресурса развития Северного макрорегиона.

Ключевые слова: *Русский Север, Русская Арктика, Поморье, конструирование пространства, геокультурное пространство, культурный ландшафт, триадология.*

Одной из актуальных, фундаментальных и прикладных тем геокультурных исследований Русского Севера и Русской Арктики является изучение культурно-семиотических механизмов конструирования пространства, укорененных в традиционной культуре локальных и этнических сообществ высоких широт, с целью адаптации наследия к условиям и задачам современного пространственного развития территорий Северного макрорегиона. В связи с этим значимым представляется обращение к изучению троичного принципа – ключевого концепта построения и триадологического осмысления процессов и результатов освоения иноприродного и инородного геопространства Севера и превращения его в «свое», «родное» геокультурное пространство Дома. Актуальность и методологическая продуктивность данного подхода в философских, религиоведческих и культурологических исследованиях изложены и обоснованы в монографии Е.П. Борзовой, посвященной раскрытию роли триалектики миропонимания, триединства, триады и троичности в контексте изучения философии, истории культуры, а также глобальных аспектов развивающейся мировой действительности [1].

Тернарные и дуальные модели организации пространства традиционной культуры финно-пермских и славянорусских аборигенов и колонистов Севера впервые были исследованы в трудах Н.М. Терехихина, которые посвящены структурно-семиотическому анализу строительного мифа и ритуала [2] и построению целостной геопанорамы сакральной географии Русского Севера [3].

В статье наряду с геокультурным пространством рассматриваются «соседние» концепты культурного ландшафта и символического

пространства. Последнее может быть описано через триаду «природа – человек – культура». При этом человек как организующее начало занимает в ней центральное (среднее) положение. Природное пространство Русского Севера также описывается через данную триаду как текст, который в результате процесса символического «цитирования», воплощающегося в осмыслении и преобразовании, и предстает в качестве фактора формирования этнического характера и менталитета населения как Севера в целом, так и Поморья в частности. Русский Север и Русская Арктика в категориях климата, ландшафта, растительности, пейзажной эстетики (включающей категории Меры и Красоты) формировали у поморов их менталитет и особый «промысловый» социокультурный комплекс, основывали и выстраивали природный каркас их геокультурного пространства.

Значимое место в концептуально-методологических разработках проблем геокультуры Арктики занимает концепция «культурного ландшафта». В российской культурной или гуманитарной географии можно выделить следующие ключевые подходы: информационно-аксиологический (Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова [4], Р.Ф. Туровский [5]), этнокультурный или этнолого-географический (В.Н. Калуцков [6]), феноменологический (ландшафтная герменевтика культуры) (В.Л. Каганский [7]), ландшафтный (Б.Б. Родоман [8]). Развернутый аналитический обзор современных зарубежных концепций культурного ландшафта был осуществлен в работах известного российского географа В.Н. Стрелецкого [9; 10].

Особый интерес в контексте настоящего исследования представляет семиотическая концепция культурного ландшафта, разработанная

исследовательницей семиотики пространства и времени О.А. Лавреновой. Согласно ее идеям, культурные ландшафты представляют собой информационно-территориальные кластеры: систему кодов культуры, выраженных в знаках, символах и физически-воплощенных артефактах, которые связаны с конкретными территориями; такая система может быть интерпретирована как текст в его широком культурологическом значении [9]. Совокупность культурных ландшафтов образует геокультурное пространство – это «информационно-семантическая форма существования культур в пространстве, обладающая глобальной целостностью, имеющая эйдетику, идеациональную, символическую составляющую» [11, с. 13].

Мы считаем оправданным обращение к конкретной территории Русского Севера, обособление ее от геокультурного пространства всего Арктического региона, т. к. последний «имеет геокультурный и образно-географический потенциал, позволяющий говорить о множестве геокультур. Геокультурный потенциал измеряется мощностью, силой проецируемых во вне специализированных географических или геокультурных образов, которые сосуществуют, переплетаются, взаимодействуют в различных геокультурных пространствах» [12, с. 10]. Как отмечает франко-канадский исследователь имажинальной географии циркумполярного мира Д. Шартье, в любой работе, посвященной Северу и Арктике, необходимо учитывать культурные и гуманитарные аспекты, которые были недооценены в западной традиции, в противном случае понимание и переосмысление системы знаков, которой и является исследуемое им изображение Севера, будут лишены своего культурного своеобразия и сведутся к общим местам [13].

С одной стороны, культурные основания пространства Севера базируются на природной составляющей (в соответствии с концепцией представителя поморской семиотической школы В.Н. Матонина: природа – «текст», культура – его «цитирование» [14]). С другой, эти культурные основания могут быть сопоставлены в

логике интерпретации этносемиотики народов Севера, где соотношение национального менталитета и природной среды, в которой существует этнос, имеет специфическую взаимозависимость.

Значимый вклад в изучение и интерпретацию проблемы неразрывной связи Человека и Природы в экстремальных условиях Севера и Арктики вносят труды известного российско-американского ученого И.И. Крупника, раскрывшего целостную геопанораму «арктической этноэкологии» [15–16]. Ее основу составляют исследования в области жизнеобеспечения, природопользования и экологического поведения – главных сферах взаимоотношений традиционных обществ с окружающей их средой, которые поддаются эмпирическому анализу (архаические и традиционные общества Русского Севера и Русской Арктики, аборигенные этносы Аляски, Канады, Гренландии и др. [17]). Таким образом, сфера духовных отношений человека с природой (ритуальных, эстетических, нравственных) остается вне рамок этноэкологии и должна быть проанализирована с позиций этносемиотики.

Структура символического пространства в контексте традиционной культуры (например, севернорусских территорий) имеет устойчивую трехчастную иерархическую композицию. Она последовательно воссоздается на каждом таксономическом уровне: от тернарной мифопоэтической модели мироустройства (верхний, средний, подземный миры) до конструкции традиционного жилища. При этом трехчастность структуры дома повторяется как в рамках архитектурно-планировочного устройства (крыша с подволокой, жилое помещение, подклет с фундаментом – основные элементы устройства здания) [18], так и в процессе его возведения, где отдельным этапам (укладка первого венца, укладка матицы, устройство крыши) придается символический, ритуально-мифологический смысл начала – середины – конца [19–21]. Таким образом, природные и рукотворные объекты интерпретируются как модели, в которых «явлено уплотнение онтологической карты всего бытия»

[22, с. 72]. Микрокосм становится сопричастен и соразмерен макрокосму.

Для исследования структуры геокультурного пространства Русского Севера мы обращаемся к модели социокультурного пространства севернорусской деревни, воплощающей инвариант северного культурного ландшафта, которая была разработана В.Н. Матониным: «В широком смысле “сельский мир” – это социокультурное пространство, в котором осуществляется актуализированный коммуникативный процесс, в котором участвуют природа (ландшафт), человек (образ Божий) и общество (община). Структура социокультурного пространства включает в себя духовное (культуное), душевное (культурное) и телесное (экзистенциальное) измерения» [23, с. 31].

Модель В.Н. Матонина может быть спроецирована на геокультурное пространство Русского Севера, которое по своей «форме» соотносится с «сельским миром». Предложенная структура «природа – человек – культура» становится здесь сообразна триаде «ландшафт – человек – общество», но не равна ей. Прочтение последней как «ландшафт – Образ Божий – община» приобретает в геокультурном пространстве иные коннотации: «материал – творец – творение». Подобная интерпретация возможна благодаря применению методологического подхода В.Н. Матонина, в соответствии с которым природа есть «текст», тогда как культура – это его «цитирование». В данном контексте особенно важно еще раз подчеркнуть, что мы говорим не о последовательной замене отдельных элементов триад при их созвучии (например, указании на синонимичность «общины» и «культуры»), но лишь утверждаем тезис соразмерности структуры пространств в рамках одной культуры и, в более широком смысле, одной Традиции (метафизики Севера).

Указанный подход созвучен с космофией Г.Д. Гачева. В его трудах единое устройство бытия национальных образов мира раскрывается через категорию «космо-психо-логоса»: единства национальной природы, склада психики и мышления народа. В космофией Природа (об-

раз Матери) – это исполненный смыслов текст, в то время как народ (метафорический супруг Природы) разгадывает ее зов, осваивает и преобразует (присваивает), создавая культуру. В свою очередь, между природой и культурой не устанавливаются иерархические отношения, они продолжают сосуществовать в тождественности и дополнительности [24, с. 11].

В основе триады «природа – человек – культура» лежит идея преодоления казалось бы обособленных и несводимых друг к другу географического пространства и культуры через категории человека-мыслителя и человека-творца, актуализирующих процессы как активного преобразования материи, так и интенсивного семиозиса. В данном контексте можно выделить несколько положений, определяющих место человека в вопросе соотношения пространства как природной среды (включающей конкретные для локальной территории ландшафт, природно-климатические условия и ресурсную базу) и культуры (как изъятых, преобразованных в артефакты или осмысленных, т. е. «проецированных» и таким образом присвоенных человеком образцов «текста» природы).

Прежде всего, это интенциональный (намеренный, целеположенный) характер преобразования пространства Природы в пространство Культуры. Освоенное пространство, трансформированное в культурный ландшафт, всегда обусловлено двойственностью причин, побудивших человека преобразовать Природу. Основанием этого является его собственная двойственная, двухполюсная сущность. Как отмечает философ-традиционалист А.Г. Дугин, концепция человека может быть рассмотрена с точки зрения двух антропологических моделей: «минимального гуманизма» и «максимального гуманизма» [22, с. 30–31]. Согласно первой, человек – это актуальная, неизменная и самостождественная константа. Он обречен на онтологическое изгнание в одну из точек Бытия, неважно в центр или на периферию. Такая модель полностью лишена динамики, противоречий, развития, а значит, ограничена во внутренних и внешних потенциях. Модель «максимального

гуманизма», напротив, описывает человека как «поле борьбы двух начал»; как процесс, обусловленный противостоящими друг другу функциями: «биоавтомата» (зверомашины) и «светового начала» (богочеловека). В этой диалектике «сектор человеческого не выделяется в некую отдельную герметически замкнутую область, но представляет собой поле свободного обмена, насыщенной циркуляции божественных, человеческих, животных, вегетативных и минеральных энергий» [22, с. 73].

Модель «максимального гуманизма» помогает наглядно охарактеризовать антропологическое измерение Севера – место борьбы полюсов человеческого бытия на сакральном и мирском уровнях – в качестве пространства крайней предельности, обладающего ярко выраженным метапровокативным статусом. Данный тезис, выдвинутый В.Н. Матониным, в исходном значении характеризует социокультурное пространство северных сообществ как место борьбы или неустойчивого баланса противостоящих сил, где явления, выдвинутые на предельные рубежи бытования, являют себя в наиболее яркой и эксплицитной форме [14]. Однако в контексте настоящей работы понятие «метапровокативный статус» обладает, прежде всего, эвристическим потенциалом для раскрытия экстремальности организации пространственных отношений в процессе освоения северных территорий.

Пространство Севера и Арктики цитируется и присваивается на двух полюсах человеческого существования в модели «максимального гуманизма». В призме зверочеловеческого начала человек осваивает Север в процессе приспособления к условиям окружающей среды. Ключевыми для него становятся выживание, стремление удовлетворить самые базовые физиологические (органические) потребности, а также обеспечение безопасности. Низкие температуры, осадки, переменчивый рельеф, сложность ведения хозяйства, борьба с морской стихией, выстраивание взаимоотношений с аборигенным населением побуждают человека к проявлению своих самых выдающихся качеств: мужества, терпения, выносливости,

наблюдательности, спокойствия [14]. В сущности, они и являются сжатым содержательным определением поморского субэтнуса. Богочеловеческое начало также включено в процесс метафизической доместики северных территорий. Но причины, побуждающие человека обратиться к Северу, лежат в ином, отличном от бихевиоризма, инстинктов и потребностей измерения. В.Н. Матонин указывает на перво-степенное значение концепта «преображение» как на ключевую метафору, отражающую процесс движения на Север. Преображение – это результат «перехода» (границы), идеал, выражение личного спасения, приобретения новых человеческих качеств в экстремальных условиях: «Опасность побуждает к покаянию, а покаяние предшествует Преображению» [23, с. 40].

Анализируя дуальный характер русской культуры, в которой нижняя и верхняя границы, духовное и телесное сопряжены и нераздельны, Н.М. Теребихин отмечает пронизанность природного (нижнего) мира духовностью божественного (верхнего), которая обусловила специфический характер русского типа освоения географического пространства. Ведущей идеей в данном случае выступает не преобразование, а именно Преображение. Природный мир – творение Божие, в нем явлен образ Творца, и потому грубое физическое вторжение в природу, по мысли русского человека, приведет к искажению этого Первообраза не только в божественной красоте природы, но и в самом преобразователе, обуреваемом грехом гордыни и самоволия [25, с. 48]. В стремлении к Преображению идеальный образ культурного ландшафта становится первичен по отношению к географической реальности. Он изначально укоренен в этнических основаниях культуры, в глубинах народной души и выражается в «особой пространственной ментальности, в пространственных стереотипах мысли и поведения, слова и дела» [25, с. 48].

Отсюда следует, что место человека в геокультурном пространстве Русского Севера может быть определено только исходя из расширенного понимания пространства в качестве

текста, системы смыслов внутри обособленной семиосферы русской культуры. Особое значение в данном аспекте приобретает сам концепт «Русский Север», имеющий насыщенный антропологический характер. Как сторона света Север воплощает в большей степени природную составляющую своей онтологии. Север – это неосвоенные земли, маркер места в пространстве, особые природно-климатические характеристики. Однако Русский Север приобретает совершенно иную коннотацию как понятие культурологическое и культурфилософское, поскольку включает в себе смыслы, связанные с особой «русскостью» осмысливаемой территории. Словосочетание «Русский Север» транслирует идею освоения и присвоения пространства человеком, т. е. его «окультуривания». Для понимания принципа присвоения будет уместным обратиться к одному из определений культуры, данному В.А. Подорогой: «Все, чтобы быть культурой, должно быть включено в тотальный ритуал присвоения. Культура есть способ существования живых существ, развивших в себе способность к присвоению сделанного <...> Что-то делается, но в качестве сделанного оно предстает только в момент присвоения. Присвоение дает место сделанному, по сути, наделяет его качествами культурного образца <...> Культура ничего не производит, не делает, не творит, но все присваивает, делает годным к потреблению <...> Культура не может быть собственностью или “вещью”, она только способ...» [26, с. 16].

Своеобразие Русского Севера заключается в его «антропологической соразмерности» именно в границах севернорусской семиосферы, его изначальной «очеловеченности». До начала процессов русской колонизации это пространство не было местом полноправного хаоса неструктурированной природы, но являлось сферой бытия «другого» – коренных народов, населявших данную территорию. В этом видится отличие заселения Севера, например, от освоения Арктики (Заполярья), которая в своем первозданном виде открывалась перво-

проходцам как место действия чистых природных сил, необузданной стихии. Путешественники конца XIX – начала XX века описывали это место через категории солнца, воды, льдов, пустыни и смерти. Арктика была опасной из-за «нечеловеческого» характера пространства. Север, напротив, не ассоциировался со «странной смерти» (хотя в физическом плане и соотносился с зимой, снегом, морозом), но был опасен своей населенностью, предшествующей колонизации, присвоенностью человеком.

Процесс освоения природного пространства был не просто движением через новые территории, но землепрохождением, в широком смысле – странничеством. Для него характерно экстенсивное (беспредельное) освоение внешнего мира, где конечная цель определялась как включение пространства во внутренний строй народной души: «Главный герой русского освоения просторов Севера – это странник, который мучим духовной жаждой обретения “нового неба и новой земли” – Обетованной Земли Царства Небесного <...> Страннолюбие – это один из ключевых образов-архетипов пространства русской души. Он включает в себя представления о “странности” как неотмирной инаковости, чуждой ценностям мира сего» [25, с. 220].

Север – это место, где «ситуация “границы” располагает личность к рефлексии о вечном. Человек, достигший края, видит дальше и больше других. Это создает предпосылки для обретения нового качества, в профанном значении – перехода. В духовном значении создается условие для Преображения» [23, с. 77]. Это движение к краю, «северное направление» также провоцирует и готовность к творчеству. Сама жизнь на Севере понимается крестьянином как «форма творчества» [14, с. 224]. На периферии известного мира все физические и эмоциональные силы тратятся на преодоление препятствий на синхроническом, «дольнем» (выживание, движение на Север) и диахроническом, «горнем» уровнях (обретение новых духовных качеств). Человек обращает свои усилия и потенции на окружающий и внутренний

миры. Межличностные отношения в подобной системе строятся, преимущественно, на диалоге, т. к. насилие в экстремальных природных условиях является «неперспективным способом решения насущных социально-экономических проблем» [14, с. 85]. Но нельзя не отметить: там, где пограничность географическая и духовная пересекается с пределами государственными, люди все же будут втянуты в сферу вооруженных столкновений.

Север обладает даром раскрытия духовных потенциалов человека, создавшего на этих просторах Святое царство Северной Фиваиды. Духовные устремления становятся константой, определяющей будущее своеобразие различных сфер человеческой жизни. При этом духовность не остается чисто умозрительной характеристикой, взаимопроникнутой природными основаниями, но в призме триады «природа – человек – культура» воплощается на Севере в явных физических формах. Именно сочетание особенностей природного пространства, разнообразия ландшафтов и духовных устремлений породило особую севернорусскую монашескую и монастырскую культуру, а также выразительную храмовую архитектуру. Духовными центрами освоения пространства Севера были монастыри, вокруг которых могли развиваться поселения.

В этих местах символическое пространство Севера как бы уплотняется, а его семиотический статус и метафорический потенциал многократно усиливаются. Подвергнутый антропогенному влиянию ландшафт наполняется осмысленными географическими объектами – «реперами», трансформируется в знаковую систему – текст северной культуры. Храмы становятся не просто объектами деревянного зодчества (что уже включает в себе местные культурные смыслы), но вертикальными константами, векторами «горних» координат. Монастыри же обретают образ судов, Ковчегов (что максимально явлено, например, в крепост-

ных стенах Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря) среди вод «моря житейского». И каждый монастырь, а в особенности островной, благодаря «тотальной онтологической соразмерности» микро- и макрокосмоса природной и культурной иерархий манифестирует сакральные геокультурные константы, идеологии и образы Русского Севера.

Таким образом, освоение пространства Севера – это критически напряженный процесс, где оба полюса человеческого бытия, духовный и физический, максимально проявлены. Ландшафт, через динамику его освоения, оказывается соразмерен человеку. Насколько периферийно и оттого предельно онтологическое существование людей, заключенное в процессуальности борьбы противоположных начал, настолько же предельно и от того периферийно бытие преобразованного и осмысленного ими пространства.

Исходя из двойственной природы человека, освоение пространства Севера реализуется на двух уровнях: материальном (физическом) и духовном. Физическое преобразование мира определено задачами выживания, адаптации к природным условиям. Духовное преобразование проистекает из потребности человека в осмысленном, наполненном знаками окружающем пространстве. Результатом подобного освоения становится культурный ландшафт – элемент геокультурного пространства, в котором человек выступает одновременно субъектом и мерой его потенциального развития. Переход природы в культуру в триаде «природа – человек – культура» осуществляется не столько через цитирование, мимезис и физическое преобразование, сколько через осмысление своего места в ней и ее символическое присвоение в акте тотальной сопричастности божественному. Так формировались культурные смыслы символического пространства Русского Севера, которое может быть описано через триаду «природа – человек – культура».

Список литературы

1. Борзова Е.П. Триадология. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусства, 2007. 671 с.
2. Терехихин Н.М. Строительная обрядность пермских финно-угров: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981. 176 с.
3. Терехихин Н.М. Сакральная география Русского Севера: (Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры). Архангельск: Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та, 1993 (1994). 223 с.
4. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Ин-т Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 617 с.
5. Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М.: Рос. НИИ культ. и природ. наследия, 1998. 208 с.
6. Калущков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 317 с.
7. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое лит. обозрение, 2001. 576 с.
8. Родоман Б.Б. Саморазвитие культурного ландшафта и геобионические закономерности его формирования // Географические науки и районная планировка. Вопросы географии: сб. ст. М.: Мысль, 1980. С. 117–127.
9. Стрелецкий В.Н. Концепт культурного ландшафта в мировой культурной географии: научные истоки и современные интерпретации // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. Т. 1, № 36. С. 48–78.
10. Стрелецкий В.Н. Культурно-ландшафтные исследования за рубежом: национальные традиции и научные школы в мировой культурной географии // Псков. регион. журн. 2020. Т. 3, № 43. С. 73–91. DOI: [10.37490/S221979310010477-7](https://doi.org/10.37490/S221979310010477-7)
11. Лавренова О.А. Пространства и смыслы: семантика культурного ландшафта. М.: Ин-т Наследия, 2010. 327 с.
12. Романова Е.Н., Замятин Д.Н. Холодный мир: два полюса измерения // Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования: моногр. / под общ. ред. Д.Н. Замятина, Е.Н. Романовой. М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. С. 6–12.
13. Chartier D. What Is the Imagined North? Ethical Principles. Presses de l'Université du Québec, 2018. 157 p.
14. Матонин В.Н. «Наше море – наше поле». Социокультурное пространство северной русской деревни: генезис, структура, семантика: моногр. Архангельск: САФУ, 2013. 333 с.
15. Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989. 270 с.
16. Крупник И.И. Ледовые пространства арктических морей как аборигенный культурный ландшафт // Наследие и современность. 2018. Т. 1, № 4. С. 73–94.
17. Богословская Л.С., Крупник И.И. Культурные ландшафты морских охотников Берингова пролива (по итогам исследований 1970-х – 2000-х гг.) // В фокусе наследия: сб. ст., посвященный 80-летию Ю.А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва / сост., отв. ред. М.Е. Кулешова. М.: ИГ РАН, 2017. С. 359–381.
18. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 407 с.
19. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. 191 с.
20. Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник: очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – нач. XX в. / отв. ред. С.А. Токарев. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. С. 3–458.
21. Пермиловская А.Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. Екатеринбург: УрО РАН; Архангельск: Правда Севера; Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2013. 605 с.
22. Дугин А.Г. Философия политики. М.: Аркоготей, 2004. 616 с.
23. Матонин В.Н. Социокультурное пространство северной деревни: структура, семантика, генезис: дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2015. 319 с.
24. Гачев Г. «Космо-Психо-Логос». Национальные образы мира. М.: Акад. проект, 2007. 511 с.
25. Терехихин Н.М. Метафизика Севера: моногр. Архангельск: Помор. ун-т, 2004. 272 с.
26. Запесоцкий А.С., Межуев В.М., Гусейнов А.А., Подорога В.А., Доброхотов А.Л., Шор Ю.М., Марков А.П., Стёпин В.С. Культурология как наука: за и против: [материалы обсуждения] // Вопр. философии. 2008. № 11. С. 3–31.

References

1. Borzova E.P. *Triadologiya* [Triadology]. St. Petersburg, 2007. 671 p.
2. Terebikhin N.M. *Stroitel'naya obryadnost' permskikh finno-ugrov* [Construction Rituals of the Permian Finno-Ugrians: Diss.]. Leningrad, 1981. 176 p.
3. Terebikhin N.M. *Sakral'naya geografiya Russkogo Severa: (Religiozno-mifologicheskoe prostranstvo severnorusskoy kul'tury)* [Sacred Geography of the Russian North (Religious-Mythological Space of the North-Russian Culture)]. Arkhangelsk, 1993 (1994). 223 p.
4. Vedenin Yu.A., Kuleshova M.E. (eds.). *Kul'turnyy landshaft kak ob'ekt naslediya* [Cultural Landscape as a Heritage]. Moscow, 2004. 617 p.
5. Turovskiy R.F. *Kul'turnye landshafty Rossii* [Cultural Landscapes of Russia]. Moscow, 1998. 208 p.
6. Kalutskov V.N. *Landshaft v kul'turnoy geografii* [Landscape in Cultural Geography]. Moscow, 2008. 317 p.
7. Kaganskiy V.L. *Kul'turnyy landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo* [Cultural Landscape and Soviet Ecumene]. Moscow, 2001. 576 p.
8. Rodoman B.B. Samorazvitie kul'turnogo landshafta i geobionicheskie zakonomernosti ego formirovaniya [Self-Development of the Cultural Landscape and Geobionic Patterns of Its Formation]. *Geograficheskie nauki i rayonnaya planirovka. Voprosy geografii* [Geographical Sciences and Regional Planning, Questions of Geography]. Moscow, 1980, pp. 117–127.
9. Streletskiy V.N. Kontsept kul'turnogo landshafta v mirovoy kul'turnoy geografii: nauchnye istoki i sovremennye interpretatsii [Concept of Cultural Landscape in Cultural Geography: Scientific Background and Contemporary Interpretations]. *Chelovek: obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty*, 2019, vol. 1, no. 36, pp. 48–78.
10. Streletsky V. Cultural-Landscape Studies Outside Russia: National Traditions and Scientific Schools in the World Cultural Geography. *Pskovskiy regionologicheskij zhurnal*, 2020, vol. 3, no. 43, pp. 73–91 (in Russ.). DOI: [10.37490/S221979310010477-7](https://doi.org/10.37490/S221979310010477-7)
11. Lavrenova O.A. *Prostranstva i smysly: semantika kul'turnogo landshafta* [Spaces and Meanings: Semantics of the Cultural Landscape]. Moscow, 2010. 327 p.
12. Romanova E.N., Zamyatin D.N. Kholodnyy mir: dva polyusa izmereniya [Cold World: Two Measurement Poles]. Zamyatin D.N., Romanova E.N. (eds.). *Geokul'tury Arktiki: metodologiya analiza i prikladnye issledovaniya* [Geocultures of the Arctic: Analysis Methodology and Applied Research]. Moscow, 2017, pp. 6–12.
13. Chartier D. *What Is the Imagined North? Ethical Principles*. Presses de l'Université du Québec, 2018. 157 p.
14. Matonin V.N. "Nashe more – nashe pole". *Sotsiokul'turnoe prostranstvo severnoy russkoy derevni: genezis, struktura, semantika* ["Our Sea Is Our Field". Sociocultural Space of the Northern Village: Genesis, Structure, Semantics]. Arkhangelsk, 2013, 333 p.
15. Krupnik I.I. *Arkticheskaya etnoekologiya* [Arctic Ethnoecology]. Moscow, 1989. 270 p.
16. Krupnik I. Arctic Sea Ice as Indigenous Cultural "Scape". *Herit. Mod. Times*, 2018, vol. 1, no. 4, pp. 73–94 (in Russ.).
17. Bogoslovskaya L.S., Krupnik I.I. Kul'turnye landshafty morskikh okhotnikov Beringova proliva (po itogam issledovaniy 1970-kh – 2000-kh gg.) [Cultural Landscapes of Sea Hunters in the Bering Strait (According to the Results of Research Conducted in 1970–2000)]. Kuleshova M.E. (ed.). *V fokuse naslediya* [The Focus of Heritage]. Moscow, 2017, pp. 359–381.
18. Meletinskiy E.M. *Poetika mifa* [Myth Poetics]. Moscow, 1976. 407 p.
19. Bayburin A.K. *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [House in the Rituals and Ideas of the East Slavs]. Leningrad, 1983. 191 p.
20. Blomkvist E.E. Krest'yanskie postroyki russkikh, ukraintsev i belorusov [Peasant Buildings of Russians, Ukrainians and Belarusians]. Tokarev S.A. (ed.). *Vostochnoslavyanskiy etnograficheskiy sbornik: ocherki narodnoy material'noy kul'tury russkikh, ukraintsev i belorusov v XIX – nach. XX v.* [East Slavic Ethnographic Collection: Essays of Folk Material Culture of Russians, Ukrainians and Belarusians in the 19th and Early 20th Centuries]. Moscow, 1956, pp. 3–458.
21. Permilovskaya A.B. *Kul'turnye smysly narodnoy arkhitektury Russkogo Severa* [Cultural Meanings of the Folk Architecture of the Russian North]. Yekaterinburg, 2013. 605 p.
22. Dugin A.G. *Filosofiya politiki* [Political Philosophy]. Moscow, 2004. 616 p.
23. Matonin V.N. *Sotsiokul'turnoe prostranstvo severnoy derevni: struktura, semantika, genezis* [Sociocultural Space of the Northern Village: Structure, Semantics, Genesis: Diss.]. St. Petersburg, 2015. 319 p.

24. Gachev G. "Kosmo-Psikho-Logos". *Natsional'nye obrazy mira* [Cosmo-Psycho-Logos. National Pictures of the World], Moscow, 2007. 511 p.

25. Terebikhin N.M. *Metafizika Severa* [Metaphysics of the North]. Arkhangelsk, 2004. 272 p.

26. Zapesotskiy A.S., Mezhuiev V.M., Guseynov A.A., Podoroga V.A., Dobrokhotoy A.L., Shor Yu.M., Markov A.P., Stepin V.S. *Kul'turologiya kak nauka: za i protiv* [Culturology as a Science: Pro and Contra]. *Voprosy filosofii*, 2008, no. 11, pp. 3–31.

DOI: 10.37482/2687-1505-V228

Aleksey A. Usov

N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;
nab. Severnoy Dviny 23, Arkhangelsk, 163069, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0466-0124> e-mail: usov@fciarctic.ru

THE NATURE–HUMAN–CULTURE TRIAD IN THE GEOCULTURAL SPACE CONSTRUCTION OF THE RUSSIAN NORTH

This article presents the results of many years of research into the geocultural space of the Russian North, its figurative and symbolic framework. The conceptual and methodological foundations for studying the principles of constructing geocultural space as well as Russian and foreign theories of cultural landscape are considered. The paper presents the author's theoretical nature–human–culture model, which elucidates the problem of overcoming the dialectical contradiction in understanding the Northern Russian space in terms of adaptation and spiritual transformation. The article reveals the ethnocultural meanings of the space (landscape) of the Russian North in the context of the nature–human–culture triad. The symbolic space is formed in the process of exploration and "appropriation" of the Northern territories, which is expressed in the acts of comprehension (of both the northern world and the place of the human in it) and expansion. The author concludes that the exploration of the Northern space is a critically intense process, where both poles of human life, spiritual and physical, are manifested to the fullest. Considering the dual nature of humans, the exploration of the Northern space takes place on two levels: material (physical) and spiritual. The result of such exploration is the cultural landscape, i.e. an element of the geocultural space in which a person acts both as a subject and as a measure of its potential development. In terms of practical significance, this paper solves the problem of actualization of the cultural landscapes of Northern Russia as a basic component of the country's regional and national culture, as well as the problem of formation of sociocultural constants that determine the spatial coordinates of the socioeconomic development of the North. The scientific importance and relevance of this research lie in the need to reconstruct the geocultural and geohistorical images of the Russian North and Russian Arctic as a symbolic resource for the development of the Northern macroregion.

Keywords: *Russian North, Russian Arctic, Pomorye, space construction, geocultural space, cultural landscape, triadology.*

Поступила 22.07.2022

Принята 25.11.2022

Опубликована 16.12.2022

Received 22 July 2022

Accepted 25 November 2022

Published 16 December 2022

For citation: Usov A.A. The Nature–Human–Culture Triad in the Geocultural Space Construction of the Russian North. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 6, pp. 109–118. DOI: 10.37482/2687-1505-V228